

“В

свое время Михаил Зощенко сказал: «От хорошей жизни не пишется». Меня сильно «шибануло» мировым экономическим кризисом 2008 года. На седьмой его месяц я нашел первое средство против него, а именно — сочинительство — прекрасный инструмент борьбы со стрессами. На изломе все и рождается: у кого-то музыка, у кого-то стихи, у кого-то слезы в подушку... Кто как выплескивает, а когда все хорошо — зачем писать?» — так Михаил Дмитриевич Николаенков начинает книгу «Моя деревня».

Прочитал я — и надолго попал в «плен». Мысли, ассоциации, сомнения и вера — все смешалось в сознании при выходе на ту позицию, которую по отношению к жизни выбрал автор.

...Вот буквально через несколько страниц автор зацепил тем, что руку на самого Бунина поднял: «Немецкий режиссер... назвал «Деревню» одним из лучших произведений о русской деревне... Подумал о том, что любят зарубежные знатоки деревни видеть в ее жизни все грязное и худое... Решил перечитать повесть снова, и сделал это с большим трудом. Тоской и беспросветностью жизни русской деревни веяло от этого произведения; не совсем такой была моя деревня 70 лет спустя, и не совсем такой,

мне кажется, была деревня конца XIX века...»

Я, читающий эти строки, испорченный штампом филологического образования, запомнил из «правильной» критики: Бунин в этом произведении показал себя чуть ли не марксистом-ленинцем, стоял на платформе обличения гнета царя и помещиков, давивших бесправное российское крестьянство. Вчитайтесь, оглянитесь и задумайтесь... И не от страницы к странице, а от абзаца к абзацу пошел я за николаенковскими открытиями того, в чем сам жил, чему и по сей день являюсь свидетелем...

Это же мне близко чрезвычайно: «Я бы не сказал, что мои родители были глубоко верующими людьми, но Бога они побаивались и жили по принципу: «Не гневи Бога», то есть были, если можно так выразиться, «богобоязненными атеистами»...

Книжка читалась на одном дыхании — хотелось все впитать, переосмыслить. На полях пометки за пометками — что-то надо уточнить, развить мимоходом брошенную мысль, захватывающую простотой и ясностью... Сегодня мало встретишь из печатного слова, которое бы так захватывало и вело к настоящей правде бытия. Ради проверки себя дал прочитать книжку хорошему знакомому. И она ко мне вернулась через... два месяца. Зна-

комые моего знакомого передавали ее из рук в руки. Резюме: это та литература, которую надо изучать в школе, вузах, обсуждать на радио и телеэкранах...

Простой парень из Глушни, затерянной в брянских лесах, свои житейские проблемы не отделяет от проблем государственных. Соучастник, сотрудник и сострадатель... У него правоты больше, чем у правителей, представителей партий...

Интересно, в союзниках у него «мастера слова» не из плеяды Пушкина, Лермонтова и всего золотого позапрошлого века, а те, которых не знает нынешнее литературоведение — современники, друзья, обойденные вниманием:

Шумит в бараках улица Свобода —
Шахтерское нехитрое жилье.
Стоит у дома пятого подвода
Лохонщика, берущего тряпье...
...Нет телеков еще, не знаем цирка...
Заморской, яркой жизни зеркала...
А смирная каурая кобылка
В бараки ненароком привезла.
Культей кровавой дьявол в мире шарит,
Сгоняя души на циничный торг...
Лохонщик, милый, привези мне шарик,
Я все отдам за детский тот восторг.

(Надежда Цыплакова)

Пахнет хлебом,
Пахнет небом,
Пахнет далью голубой,
Все в лучах преобразилось,
Засверкало, заискрилось,
Окропленное росой.
И стою я, очарован,
Шаг ступить — и то боюсь.
Край мой словно нарисован
И природой мне дарован,
И ему названье — Русь.

(Анатолий Хильченко)

... А кругом неоглядные дали
Заповедных русалочьих мест,
Лешаки по лесам обитали,
Да плутали цыгане окрест.
Было время: сирень молодилась
И черемухи пышно цвели...
Чем деревня твоя провинилась,
Что под корень ее извели.
На судьбе дымовая завеса,
Но беде и войне вопреки,
Наша сила от Брянского леса,
Наша правда от чистой реки...

(Валентин Нервин)

Мне снова снилось детство,
Как будто наяву.
Осталось мое сердце
В том благостном краю.
Вкусна краюшка хлеба,
Тепла в реке вода,
И радуга — в полнеба,
И слова нет «беда».
И есть везде участие
Друзей в твоей судьбе,
Все это было счастье,
Теперь понятно мне.

(Лилия Ерофеева)

Порою кажется: да куда же ты меня уводишь — к чему здесь стихотворение твоего односельчанина или другого неведомого поэта? Оказывается, он с десятилетнего возраста вырезал из газет и журналов понравившиеся стихи... Могут же, оказывается, простые люди, твои современники так здорово излагать мысли и чувства! Слово, строка — и сразу рождается картина, образ... Проза поскучнее и потяжелее... Но далее, как считал писатель Г.Н. Троепольский, с жизненным опытом пробуждается интерес к прозе.

Необычность прозы Николаенкова в том, что она не похожа на произведения «деревенщиков». Удивительно, обошелся он без каких-либо «влиятельных». Мало того, чувствуя в чем-то слабость, непонимание проблемы, он смело обращается к «помощникам», друзьям, односельчанам, которых просит написать об увиденном или услышанном от людей постарше. И очень вписываются на равных с ним замечательные строки Петра Гурова из Клеповки Бутурлиновского района Воронежской области, поэтические наблюдения воронежского поэта Владимира Шуваева — можно много перечислить имен. Вот приводится обычная заметка из воронежской «Коммуны». Всего четыре класса образования у крестьянки из Острогожска Лидии Титовой. Рассказывает — заслушаешься! И о чем говорит? О том, что слышит — как поют цветы, деревья, ручьи... Под эту музыку приходят слова:

На коне комар несется,
На лугу паук пасется,
На зеленой ветке
Баран сосет конфетки.
Коза со стрекозятами
Порхает в синеве,

А стрекоза с козлятами
Гуляет по траве.
Божьи коровки
Сохнут на веревке.
Чтоб они не убежали,
Их прищепками прижали.
С комаром беда случилась:
Воробей склевал коня.
Вот такая получилась
Небылица у меня...

М.Д. Николаенков

Автор заметки сравнивает Лидию Титову со шведской сказочницей Астрид Линдгрен, творчество которой записано и гуляет по всему миру, а самобытность острогожской современной сказительницы и поэтессы забыта. Забываются слова, уходит от нас наш язык, без которого мы потеряемся окончательно.

...Мама пуховым платком спасает его от «чичера», злого ветра. Сурово: не будешь слушаться, заболеешь, на погост отнесут, закопают раньше положенного времени... Страшно. Да уж и не совсем — объяснение слова облегчает обстоятельство: «На погосте живет горе, а может, и счастье, там покоится тело человека, когда его муки на земле заканчиваются... Почему человек не живет, а мучается? Вот поживешь с мое, хлебнешь горюшка, тогда и поймешь. Родилась я — шла гражданская война. Потом в тридцать третьем — голод, снова война, опять голод и разруха; вас, детей, шестеро, — надо всех на ноги поставить. А они вот лежат на кладбище и забот мирских не знают. Иногда б закрыла глаза и не проснулась...»

Из образного языка мамы, окружавших мальчика земляков родилось восприятие мира с бесконечными вопросам и ответами, которые пришли не только через юрфак Воронежского университета, но и через предсказанное «поживешь, хлебнешь горюшка, тогда и поймешь». Естественный переход к пониманию того, что такое пространство и время. Учили, что материя бесконечна в пространстве и времени, но ни тогда, ни сейчас он подобное объяснение не воспринял и не понял. Пришел к своему: «Пространство и время — категории нравственные: когда Бог создал мир и разделил его на тьму и свет, появилось время. Величина его до Страшного суда зависит от самих людей, от степени их греховности...»

В этом времени готовились и готовятся к Вечности родные, дальние сородичи, населявшие родную тебе землю — князья, писатели, военачальники... Как толстовский Филиппок, самостоятельно отправился в школу, но оробел, только и смог произнести: «Хочу букварь». И получил эти чудесные картинки, пахнущими такой вкусной краской, что он даже лизал страничку... Одной из первых прочитанных книг была повесть Гоголя «Тарас Бульба». С каким же внутренним восторгом одобрял Тараса, отстегавшего нагайкой старшего сына за то, что тот закопал в землю букварь! Иметь букварь — это же счастье превыше всякого счастья!

Хотел быть геологом. Незнакомое слово для мамы, и она деревенским бабам объясняла, что Мишка хочет быть каким-то «глаголом». Но сам Мишка понятия не имел о глаголе. Старший брат объяснил — глагол обозначает действие: «Ты лезешь на печку, так «лезешь» и есть глагол». И в школе, и в вузе, прежде чем найти глагол в предложении, «представляя, что лезу на печку», а там уж все образовывалось само собой...»

...Школа учила, что Бога нет. Что за глупость? «Христос все равно жил в деревне в божнице каждого дома... Он сказал людям, что земная жизнь временная, а ждет их жизнь вечная, иначе первая бессмысленна, и они Ему поверили».

Все в жизни от печки — и тепло, и еда варится, и, спрятавшись за занавеской, полу-

чаешь ответы на вопросы, которые друг другу задают мужики — каким должен быть человек? Кого можно считать счастливым? Чем человек от зверя отличается?

Прекрасны страницы о деревенской жизни. Особые страницы любви к лошади: «Лошади притягивали нас, как компьютер нынешнюю молодежь. Эти обаятельные существа очень любят молча общаться с человеком. Они потрясающе красивы... Бывают с хитринкой: как тяжелые работы, так отлынивать. Даже Коля Музда не мог «замуздать» (зауздать) такую лошадь...» А что за чудо «Жамка»? Миниатюра о собаке, которая «была хорошим собеседником... понимала меня лучше, чем родители и старшие братья...»

— Что ты волтузишься с собакой целыми днями? Все равно такой, как человек, она не будет», — говорила мать. Но я-то так не считал...»

...Мишка в восторге — Жамка оценилась! Про щенят взрослые забыли. «Много их тогда родилось — разных по окрасу, цвета всех кобелей в деревне. Однажды поутру отец посадил щенков в плетеную кошелку, сказав мне, что идет их раздавать по деревне...»

Но Жамка почувствовала неладное, сорвалась с ненадежной привязи и кинулась за пропажей. За ней поспешил к реке семилетний Мишка и «услышал слабый щенячий писк в несколько голосов. Щенки плыли по течению от моста по реке... Жамка бросилась к ним и за шкуру стала пытаться вытащить щенят на берег, но у нее это не совсем получалось: слышала писк своих детенышей по всей реке и не понимала, кого из них спасти в первую очередь...» Завыла собака от безысходности, «а щенки услышали ее голос и из последних сил громко заголосили... Так я в первый раз увидел, как умирают живые существа... После того дня она долго ни с кем не разговаривала, и со мною тоже...»

Рядом печатается есенинская «Песнь о собаке». Но более глубокое впечатление производит не давно известное и заученное в школьные годы, а «маленькая трагедия» в прозе, равная по силе редкой удачи восхождения к высшему, которую можно встретить лишь у выдающихся классиков.

Наше познание мира идет от параллелей и вертикалей школьного воспитания: вся

жизнь в клеточку — по правилам и по полочкам, кругом только любовь и справедливость... А природа такая добрая и прекрасная!

Глушня, затерянная в непроходимых брянских лесах, из своих 87 дворов (на момент издания книги оставалось только семь подворий, в которых доживают одни старики) дала Родине впечатляющее количество ученых, творческих работников, юристов, экономистов, математиков, педагогов, врачей. «Вышел из леса» и автор «Моей деревни». ...Отец Михаила, Дмитрий Егорович, под Орлом попал в окружение. Был выбор — отступить дальше с частью или бросить все и податься домой, благо тот располагался рядом. Выбрал отступление с боями до самого Воронежа. А те, кто вернулся домой в брянские деревни, стали в большинстве своем служить полицией. Он же, получив ряд ранений, считал себя счастливым и был против всяких привилегий тем, кто из той войны вышел победителем — «у них уже есть привилегия, потому что они выжили, а помогать надо детям, отцы которых не вернулись с войны...»

...Мама, Надежда Кузьминична, своего дня рождения не знала. Окончила четыре класса, с трудом писала... «В 75 лет она содержала корову, двух свиней, кур, стадо гусей, — трудилась с пяти утра до девяти вечера. Сетовала на нас, бездельников: «Развалите вы страну!», вспоминая «хозяина» Сталина, хотя «за колоски» после войны отсидела три месяца в тюрьме... Мать оказалась права: страну-то мы развалили...»

Один из читателей моего экземпляра «Моей деревни» сделал серьезное замечание: «То, что твой писатель Мишка мастер — нет слов! Но — пусть не перехватывает через край. Сколько ему лет? Сам же пишет — родился 16 апреля 1957 года. И ему ли рассказывать о недоедании, описывать нищету, когда ее в наших деревнях-селах в 1960-х годах и в помине не было...»

...Не перечитываю, а постоянно возвращаюсь к написанному «молодым» Мишкой, которого старшему на двенадцать лет. И все более поражаюсь тому, что у него не только слова, знаки препинания расставлены со смыслом. Вначале я «не принял» размещение в книжке таблиц итогов футбольных матчей «дворовых» команд Глушни? Зачем под-

робные отчеты о достижениях его родного колхоза? «Для правды». Начинаю понимать то, о чем никогда не задумывался, потому что то, что пережили, прожили и проживают в семи оставшихся дворах деревни, никогда не знал. Не знал и весь Советский Союз — тайна за семью печатями...

Не из «брынских» дремучих лесов вышел Мишка, даже не из войны. Он вышел к свету из неведомого нам «государства» — «Локотской республики». Пашка, родной брат мамы Михаила, сидел в «немецкой тюрьме» за то, что отказался служить в полициях. Странные его повествования о том, что когда она с передачками ходила к нему за пятнадцать километров, ее по дороге встречали партизаны, полицаи — и те, и другие «грабили». Если удавалось для брата кусок хлеба спрятать — и то хорошо. И что это за постоянные риски, и ради чего? Почему ее могли пристрелить и «наши», и «не наши»?

Немецкое командование одобрило инициативу некоего Воскобойникова — была создана «свободная от советского режима» самоуправляемая Локотская республика. С ноября 1941-го по 1943 год на территории, равной Бельгии, с населением в 581 тысячу человек в районах Брянской, Курской и Орловской областей просуществовала эта республика. Опыт ее существования предполагалось распространять на все пространство, занятое фашистами.

Воскобойников и Каминский, занимавшийся там формированием собственной армии, были пострашнее предателя Власова. Немцы провели «демократическое» собрание сельских и деревенских старост, на котором большинством голосов К.П. Воскобойникова избрали «губернатором Локтя и окрестных земель», а его заместителем — Б.В. Каминского. В отряд полиции для поддержания порядка вошло более ста человек из местных добровольцев. «По-доброму» формировались колхозы и административные органы. В «республике» с центром в поселке Локоть раскулаченным вернули земли, компенсировали стоимость реквизированного имущества. Восстановили из руин промышленные предприятия, церкви, открыли девять больниц, школы... Под бело-синие-красное русское знамя с изображением Георгия Победоносца, поражающего змия, не только добровольно, но и под стра-

хом смерти встала Русская Освободительная Народная Армия в несколько тысяч человек...

Но случилось непредвиденное! «Свободной республике» пришлось противостоять невесте откуда взявшимся партизанам, выходившим из окружения солдатам и офицерам Красной Армии... «Линия фронта как бы проходила через душу и сердце каждого. Моя мать характеризовала эту позицию так: «Все ждали, чья возьмет». Особенно трудно было совершать выбор в условиях, когда советская власть не очень много сделала для облегчения жизни крестьян — в наших местах не было крепостного права. Земли принадлежали императорской семье... В деревне практически все взрослые мужики были вынуждены служить в РОНА. Некоторые возомнили себя новой властью, но особо рьяных не было — свирепых уничтожали. Одного из таких девушек-партизанка застрелила на пороге клуба...»

Расколота молодежь. Ребята из старших классов ушли — кто в партизаны, а кто — в полицаи. М. Николаенков приводит воспоминания очевидцев, в которых называются фамилии не только героев, но и тех, кто подвергал пыткам свою учительницу и бывших одноклассников... На краю расстрельного рва учительница Вера Васильевна и Валя, ее ученица (вспоминают свидетели). Валя говорит учительнице: «Лучше бы я день и ночь на танцплощадке проводила, зачем старалась. Зачем училась, зачем отличницей была? Зачем все это нужно было?» — «Чтобы достойно умереть, Валя», — ответила Вера Васильевна. Но тут стали стрелять, и обе они свалились в ров... Справа от Вали стояла Нюра Макаричева... За Нюрой стояла Фаня Певцова... Проходя по коридору тюрьмы, она так попрощалась со всеми: «Живые, не сдавайтесь фашистам, лучше умереть»...

...Стасик Тихомиров был необыкновенным мальчиком. Сын учителя, девятиклассник, очень любил литературу, и в камере целыми ночами рассказывал о книгах. Стасик сидел в локотской тюрьме вместе с отцом. Отца по болезни отпустили. Потом Стасика перевели в камеру смертников. Отец, узнав об этом, сам вернулся в тюрьму: «Хочу умереть вместе с сыном». Его бросили в камеру к Стасику. Отец обнял сына, стал целовать его. Когда их выводили

на расстрел, Стасик читал стихи: «Товарищ, верь, взойдет она...»

«Локотская республика» сделала свое дело. Всех рассортировать на врагов и патриотов практически невозможно — люди выживали по-разному. Отношение к этой «Бельгии», где вольно или невольно большинство работало на Великую Германию, у власти было особое... Точнее, никакое — разбирайтесь сами. Отсюда и надолго затянувшееся невнимание к там проживающим... С сопутствующими недоеданием и нищетой.

...Почему Михаил приехал учиться в Воронеж? И почему с такими задатками таланта пошел на юридический? Рядом Белоруссия, Брянск, Орел, — свои прекрасные вузы. «Так сложилось...» Автор не категоричен в своих оценках — ему самому очень трудно все понять, поставить себя на место какой-либо из сторон. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», — здесь же сложнее любых боев. Бок о бок дворы, из которых одни мужики служили в Красной Армии и партизанах, а другие были полициями и старостами в услужении фашистам. Отсидевшие в тюрьмах положенное, домой не возвращались. Их дети уже особо не враждовали, жили обычной жизнью, но после школы все же старались уехать учиться и работать подальше от дома. «Своих» встречали повсюду. Через несколько лет Михаил совершенно случайно узнал, что один односельчанин, отец которого каким-то образом был связан с «Локотской республикой» — доцент престижного вуза. Встретились — и дальний родственник «не узнал» его на проспекте Революции... Ничего в этом особенного нет — Михаил его тоже «не узнал»...

А в Воронеж, наивный, приехал за правдой — свято верил, что после юридическое станет следователем... От следователя зависит, справедливо с тобой поступит суд или нет... Через пять лет после окончания вуза понял, что жестоко ошибся. Опять в учебниках не то, что требуется по жизни. Да

и жизнь не та, которой она должна быть по законам, Конституции и учебным пособиям. О следователях остались самые хорошие воспоминания — работа тяжелая, ответственная. Можно было бы выдержать, но не видел ожидаемых результатов, согласуемых с воспитанием, полученным в деревенском детстве.

...На первом курсе — экзамен по «Основам государственного строительства в СССР». Вопрос проще простого — в чем заключается превосходство социалистической избирательной системы над буржуазной? Его Глушня проходила обе эти «демократии» — уж здесь ли не поле для сравнения?! Но профессор дал неделю времени для более тщательной подготовки к повторному ответу на этот же вопрос...

«Всю неделю я изучал превосходства, отчего до сих пор неравнодушно отношусь к выборам... Это связано еще и с тем, что в 90-е годы на экранах телевизоров появилась наша преподавательница — была секретарем Центральной избирательной комиссии РФ и знала всю «кухню» выборов президента Ельцина.

Когда отвечал профессору, конечно, считал, что прямые выборы в буржуазных странах демократичнее, но сейчас так не считаю... В 1999 году США «демократически» ракетами в течение 78 дней бомбили Белград. Тогда я окончательно разочаровался в демократии...»

Удивительны его сказки, «портреты» родственников и друзей, ошеломительные «страшилки» про колдунов и ведьм, «райских» и «дьявольских» местах, имеющих в каждой деревне... Неожиданная мысль о чемпионате мира по футболу, но тут же о более важном — пропагандистах спорта в вымирающих русских деревнях. В принципе, каждую миниатюру можно публиковать по отдельности — в каждой завершенностью поэзии и мудрости. Но нет — должно все быть в единстве. Так было сердцу подсказано изначально.